

міръ потерялъ и то остававшееся за нимъ преимущество, которое напоминало о немъ, какъ о столицѣ: выигравши въ помянутомъ году свое дѣло въ ордѣ въ спорѣ съ дядей своимъ, Юріемъ галицкимъ, Василій прибылъ въ Москву съ царевичемъ Мансырь-Уланомъ, который посадилъ его на велиокняжеский столъ въ Москвѣ же, въ храмѣ Богоматерї у Златыхъ вратъ.

По убієнії Андрея Боголюбскаго, въ спорѣ Ростова съ Владиліромъ о первенствѣ¹²⁾ и Ростиславичей, внуковъ Долгорукаго, съ дядьями ихъ, Михалкомъ и Всеиводомъ Юрьевичами, верхъ взяли послѣдніе и г. Владиміръ. Михалко княжилъ только годъ († 1176 г.). По смерти его Владиміръ занялъ братъ его Всеивода (Большое гнѣздо), и опять началась борьба старшаго Ростова съ младшимъ Владиміромъ, окончившаяся въ пользу послѣдняго. По смерти Всеивода борьба его сыновей, Константина и Юрія¹³⁾, окончилась въ пользу первого, умершаго въ 1218 г. Послѣ Константина Юрій становился уже безспорнымъ обладателемъ велиокняжескаго достоинства. Въ 1238 г. онъ палъ въ битвѣ съ татарами на берегу р. Сити, и велиокняжеский столъ перешелъ къ слѣдующему брату, Ярославу Всеиводовичу, съ котораго мы и начнемъ біографическіе очерки великихъ князей за татарскій періодъ нашей исторії.

Ярославъ Всеиводовичъ.

р. 1191 † 1246.

Ярославъ II Всеиводовичъ, четвертый изъ осміи сыновей Всеивода III Юрьевича, правнукъ Владиліра Мономаха, родился во Владилірѣ 8 февраля 1191 г.¹⁴⁾. Въ 1194 г. апрѣля 27 надъ нимъ совершенъ былъ обрядъ постриговъ (сажаніе на коня), обрядъ до нѣкоторой степени рыцарскій¹⁵⁾.

Въ древней Руси, за отсутствіемъ теоретического воспитанія, княжичей весьма старались направить на путь практической дѣятельности.

12) См. подробности въ началѣ главы о князьяхъ Ростовскихъ, во II-й ч.

13) Ibid.

14) П. С. Р. Л. I, 172; VII, 101. Въ Лавр. лѣт. о рождениі Ярослава—Федора говорится подъ 8 февраля 1190 года, причемъ замѣчено обѣ отцѣ его: «тогда сущю князю великому въ Переяславли на полюди». Въ Воскресенской же лѣтописи сказано, что Ярославъ родился въ Переяславлѣ. Всего вѣрнѣе, онъ родился во Владилірѣ.

15) Ibid. I, 173.

На это указываетъ, между прочимъ, и только что помянутый обрядъ постригъ, послѣ котораго княжичъ считался какъ бы уже принадлежащимъ къ семье ратныхъ людей. Княжичей, когда они были еще отроками, посыпали на княженіе, брали въ походы и т. д., но въ такихъ случаяхъ къ нимъ назначались руководители изъ бояръ. Такъ было и съ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Въ **1201 г.** августа 3-го (по другимъ—10-го), когда Ярославу было лѣтъ 7-мъ, Всеволодъ Юрьевичъ назначилъ его княземъ въ южный Переяславль¹⁶⁾. Здѣсь онъ сидѣлъ до 1206 г. Въ **1203 г.**, зимой, онъ ходилъ на половцевъ вмѣстѣ съ кіевскимъ княземъ Рюрикомъ и Романомъ галицкимъ, а въ 1206 г. принималъ участіе въ дѣлахъ Галича Червенскаго¹⁷⁾. Въ **1205 г.** скончался (убитъ въ сраженіи съ поляками) Романъ Мстиславичъ галицкій, и галичане, хотя и неохотно, присягнули пятилѣтнему сыну его Данілу. Рюрикъ Ростиславичъ, насильно постриженный отцемъ Даніила въ монахи, вышелъ изъ монастыря, занялъ кіевскій столь и, соединившись съ князьями черниговскими, пошелъ на Галичъ. Но, благодаря королю венгерскому Андрею, союзныя войска были прогнаны. Въ **1206 г.** Рюрикъ, Всеволодъ Святославичъ Черній, кн. черниговскій, Мстиславъ смоленскій, съ поляками, берендеями и половцами, возобновили походъ на Галичъ. Андрей венгерскій успѣлъ-было уговорить гражданъ взять къ себѣ княземъ Ярослава Всеволодовича, который и «гналъ» изъ Переяславля въ Галичъ,— но союзные князья, занявши городъ, изъ котораго вдова Романа бѣжала въ наследственный свой Владиміро-Волынскій удѣлъ, на общемъ совѣтѣ положили отдать Галичъ Владиміру Игоревичу, князю Сѣверскому. Ярославъ ни съ чѣмъ возвратился съ дороги въ свой Переяславль, но и отсюда вскорѣ выгнанъ былъ Всеволодомъ Чернімъ¹⁸⁾.

Въ южной Руси продолжались смуты; этими смутами пользовались половцы, безнаказанно опустошая земли. Не видя защиты въ своихъ князьяхъ, южно-русскій народъ возлагалъ надежды только на вел. кн. владимірскаго. Дѣйствительно, въ **1207 г.** великий князь выступилъ въ походъ; на берегу Оки къ нему пристали князья муромскіе и рязанскіе. Всѣ, конечно, увѣрены были, что походъ предпринимается къ Кіеву, — но вышло совершенно другое. Всеволоду донесли, что рязанскіе князья дружатъ

16) Ibid. I, 175; II, 327; VII, 107; XV, 290. Едва ли вѣрно Ипат. лѣт. говорить, что Всеволодъ быть тогда съ старшими сыновьями, Константиномъ и Юріемъ, въ Переяславль, что Переяславцы рады были назначенію Ярослава. Можетъ быть, не были ли все они дѣйствительно въ Переяславль, но только не Кіевскомъ, какъ выходитъ по Ипатьевской лѣтописи, а Залѣскскомъ?

17) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303.

18) Ibid. I, 180; II, 330; VII, 113; XV, 303; Карамз. III, 71—72.

сь Ольговичами черниговскими и вмѣстѣ съ ними что-то замышляютъ противъ него. Неизвѣстно, насколько справедливъ былъ доносъ, но Всеволодъ повѣрилъ ему и двинулся къ Рязани. Рязанскихъ князей, довѣрчиво явившихся къ нему въ ставку, онъ въ оковахъ отправилъ во Владиміръ и подступилъ къ Пронску, жители которого сдались (22 сентября) только вслѣдствіе сильного голода; Рязань также покорилась и выдала Всеволоду остальныхъ князей съ женами и дѣтьми. Удаляясь во Владиміръ, великий князь оставилъ въ Рязанскомъ княжествѣ своихъ намѣстниковъ и тіуновъ, но въ 1208 г. прислалъ туда на княженіе сына своего Ярослава, который находился при отцѣ въ походѣ 1207 года. Рязанцы съ нескрываемымъ неудовольствіемъ приняли князя, а потомъ пропзвели даже возмущеніе: коварно перехватали людей Ярослава и поковалы ихъ въ цѣпи, многихъ живьемъ засыпали въ погребахъ. Явился Всеволодъ, сжегъ Рязань и Бѣлгородъ, и вмѣстѣ съ сыномъ Ярославомъ пошелъ во Владиміръ, захвативши рязанского владыку Арсенія и множество рязанцевъ, которыхъ поселилъ въ своемъ княжествѣ¹⁹⁾.

Въ походѣ на Рязань участвовали и новгородцы, которыхъ Всеволодъ, послѣ похода, одарилъ и отпустилъ изъ Коломны домой, обнадеживъ ихъ относительно ихъ старинныхъ вольностей, «да имъ уставъ старыхъ князь, его же хотишу новгородцы». Но при этомъ, въ залогъ вѣрности, онъ оставилъ семью человѣкъ изъ знатныхъ новгородцевъ и посадника Дмитра, тяжело раненаго въ походѣ. На прощаныи великій князь сказалъ новгородцамъ: «кто вы добръ, того любите, а злыхъ казните». Новгородцы, узнавши о милости великаго князя, составили вѣче на Дмитра, кричали, что онъ бралъ на новгородцахъ серебро, повозы и пр., разграбили все имущество посадника, «а что ся на дѣскахъ остало въ письмѣ (записи за должниками), а то все князю». Отпуская новгородцевъ, великій князь сына своего Константина оставилъ при себѣ, давъ ему Ростовъ, а въ Новгородъ послалъ другаго сына, Святослава, послѣ того, какъ состоялось вѣче на посаднике, который между тѣмъ умеръ, еще будучи во Владимірѣ. По прїездѣ Святославъ получилъ «дѣски», по которымъ собралъ громадныя деньги, затѣмъ цѣловаль крестъ Новгороду, совмѣстно съ которыми дѣтей и внуковъ («племенникъ») Дмитра отправилъ къ отцу во Владиміръ. Вскорѣ послѣ похода на Рязань (въ 1209 г.) Мстиславъ Мстиславичъ захватилъ Торжокъ и предложилъ себя въ князья Новгороду. Всеволоду

19) Ibid. I, 182, 210, 211; II, 330; III, 30—31; VII, 114—116, 235; XV, 305, 307. Въ нѣкоторыхъ изъ указанныхъ лѣтописей эти события группируютъ только подъ 1208—1209 г., а Ипатьевская и Новгор. III послѣдній актъ этой драмы относятъ къ 1210 году. — Бѣлгородъ находился близъ Ст. Рязани. См. Карамз. III, прим. 130.

это сильно не понравилось, и онъ въ томъ же 1209 г. выслалъ къ Торжку противъ Мстислава старшихъ сыновей своихъ, Константина, Юрія и Ярослава, — но дѣло это кончилось примиренiemъ сторонъ²⁰⁾.

Въ 1212 г. Всеиволодъ Юрьевичъ скончался, назначивъ преемникомъ себѣ не старшаго сына (Константина), не хотѣвшаго брать Владимира безъ Ростова, а слѣдующаго за нимъ Юрія, и между братьями возгорѣлась борьба. Юрій два раза ходилъ къ Ростову на Константина, въ 1212 г. и 1213, когда заключенъ былъ между ними непрочный миръ послѣ боя на р. Ишнѣ подъ Ростовомъ. Ярославъ въ этой борьбѣ держалъ сторону Юрія и вмѣстѣ съ нимъ ходилъ на старшаго брата²¹⁾.

Въ 1214 г. новгородцы, у которыхъ не было тогда князя, отправили въ Переяславль пословъ просить Ярослава въ Новгородъ на княженіе. Передъ тѣмъ въ Новгородѣ сидѣлъ кн. Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ по своей волѣ вышелъ изъ Новгорода въ южную Русь, сказавъ на прощаныи новгородцамъ, что они «вольни въ князѣхъ». Въ 1215 г. Ярославъ пришелъ въ Новгородъ, гдѣ торжественно встрѣченъ былъ архиепископомъ Антониемъ и новгородцами. Вскорѣ по прибытіи онъ приказалъ схватить новгородскаго тысяцкаго Якуна Зуболомича и новоторжскаго посадника Өому Доброющинича, по навѣтамъ враговъ ихъ, и отправилъ ихъ въ оковахъ въ Тверь (20 мая), а самъ со многими знатными новгородцами ушелъ въ Торжокъ; одаривши новгородцевъ, онъ отпустилъ ихъ и — заставши въ Торжкѣ — прекратилъ подвозъ хлѣба въ Новгородъ. Голодъ сильно давалъ себя чувствовать, почему новгородцы два раза отправляли къ Ярославу пословъ, приглашая его или идти въ Новгородъ, или очистить Торжокъ. Но Ярославъ продолжалъ дѣйствовать по-прежнему. Наконецъ, 11 февраля въ Новгородѣ явился Мстиславъ Удалой, перехваталъ бояръ, приверженцевъ Ярослава, схватилъ Ярославова намѣстника и всѣхъ ихъ заковалъ, а затѣмъ потребовалъ отъ Ярослава, чтобы онъ очистилъ Торжокъ. Ярославъ въ отвѣтъ на это требованіе ловилъ новгородцевъ и отправлялъ ихъ въ свои города. «Да не будетъ Новый Торгъ Новгородомъ, ни Новгородъ Торжкомъ! но гдѣ св. Софія, тамъ Новгородъ», сказалъ Мстиславъ новгородцамъ и рѣшился выступить противъ Ярослава. Къ послѣднему пришелъ на помошь вел. кн. Юрій, а Константина привлекъ на

20) Ibid. I, 183—184; VII, 116 (подъ 1208 годомъ). См. начало біографії Святослава Всеиволодовича.

21) Ibid. I, 185; VII, 118, 119. — По Воскр. лѣтописи бой 1213 г. произошелъ на р. Ишнѣ. Но такой рѣки мы не знаемъ, а знаемъ Ишню, какъ эта рѣчка и названа въ Никон. лѣтописи (т. II, 316). Объ этой рѣчкѣ см. статью г. Лѣствицына въ Яросл. губ. вѣд. 1871 г. № 50: «Рѣчка Ишня подъ Ростовомъ.»

свою сторону Мстиславъ, обѣщавъ доставить ему великое княжество. Въ битвѣ на берегахъ р. Липицы, близъ Юрьева, произошедшей 21 апреля **1216 г.**, верхъ взяли Мстиславъ и Константинъ, который и занялъ велико-княжеский столъ, Юрію же далъ сначала Городецъ на Волгѣ, а потомъ — Сузdalъ²²⁾.

Въ **1219 г.** болгаре напали на Устюгъ и взяли его. Въ слѣдующемъ **1220 г.** вел. кн. Юрий Всеволодовичъ послалъ на этихъ хищниковъ брата Святослава съ воеводой Еремѣемъ Глѣбовичемъ, къ которымъ присоединились свои полки и Ярославъ Всеволодовичъ²³⁾. Года черезъ два послѣ этого похода мы видимъ Ярослава въ Новгородѣ. Въ **1221 г.** сынъ вел. князя Всеволода Юрьевичъ, не ужившись съ новгородцами, тайно уѣхалъ отъ нихъ; тогда новгородцы выпросили у Юрия брата его Ярослава. Этотъ послѣдний прибылъ въ Новгородъ въ **1222 г.** и въ томъ же году ходилъ съ новгородцами на Колывань (Ревель), пovoевалъ всю Чудскую землю, забралъ большой полонъ и множество золота, но города взять не могъ²⁴⁾... Неизвѣстно, когда Ярославъ выѣхалъ изъ Новгорода, но — до **1224 г.** Подъ этимъ послѣднимъ годомъ въ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о томъ, что Всеволодъ, сынъ Юрия Всеволодовича, во второй разъ тайно выѣхалъ изъ Новгорода съ дворомъ своимъ въ Торжокъ. На этотъ разъ великий князь, съ намѣреніемъ наказать новгородцевъ, вмѣстѣ съ братьями прибылъ въ Торжокъ и требовалъ выдачи нѣкоторыхъ изъ новгородскихъ бояръ, которыми былъ недоволенъ. Новгородцы, однако, съ твердостью заявили великому князю, что братьевъ своихъ они не выдадутъ. Послѣ долгихъ переговоровъ, по предложенію великаго князя, они согласились принять къ себѣ Юрия шурина Михаила Всеволодовича, князя черниговскаго, который прибылъ въ Новгородъ въ **1225 г.**, но вскорѣ уѣхалъ опять въ свой Черниговъ. Между тѣмъ въ томъ же году на Новгородскую землю сдѣлала набѣгъ Литва, пустошила селенія около Новгорода, Торопца и илже, по направленію къ Полotsку. Ярославъ Всеволодовичъ, какъ говорятъ лѣтописи, сжалившись о томъ, выступилъ изъ Переяславля въ погоню

22) Ibid. I, 186, 211; III, 32—35; IV, 20—26; VII, 119—123. Въ послѣдней изъ указанныхъ лѣтописей сказано, что Ярославъ сталъ (на мѣстѣ битвы) съ своими полками, муромчами, городчанами и бродниками. — Однѣ изъ лѣтописей относятъ битву къ 1215 г., а другія — къ 1216; очевидно, однѣ принимаютъ годъ, въ который началась расправа у Ярослава съ новгородцами, доведшая дѣло до Липицкой битвы, а другія — годъ самой битвы.

23) Ibid. VII, 126 и сл. — Въ 1219 г. сентября 7 Ярославъ присутствовалъ вмѣстѣ съ братомъ Юриемъ при освященіи епископомъ Симономъ Рождество-Богородицкой церкви во Владимірѣ.

24) Ibid. I, 216; III, 38; IV, 27; VII, 128. По I, 189 и IV, 177 это было въ 1223 г. Ср. соотвѣтственное мѣсто въ бiографiи Святослава.

за литовцами; съ нимъ были князья — братья, Владіміръ Мстиславичъ съ новоторжцами и Давидъ съ торопчанами; князья послали и за новгородцами, которые, впрочемъ, отъ Русы возвратились назадъ, можетъ быть, потому, что литовцы угнаны были далеко. Соединенные князья догнали бѣглецовъ близъ Усвята, побили ихъ, взяли у нихъ весь полонъ и захватили съ собой не только многихъ простыхъ воиновъ, но и князей. Новгородцы послѣ того обратились къ Ярославу и усиленно просили его къ себѣ. Тотъ явился въ Новгородъ, но не изъявилъ никакого неудовольствія на то, что новгородцы не преслѣдовали литовцевъ до конца²⁵⁾.

Зимой 1226 г. Ярославъ Всеволодовичъ ходилъ въ южную часть Финляндіи на Емь или Ямь, «гдѣ — по замѣчанію лѣтописи — ни единъ отъ князь рускихъ не взможе бывати, и всю землю ихъ пльни». Ему приходилось возвращаться съ такимъ громаднымъ полономъ, что онъ вынужденъ былъ многихъ пльнныхъ освободить, а иныхъ убивать. Въ слѣдующемъ 1227 г. онъ, безъ всякаго насилия съ своей стороны, крестилъ едва не всѣхъ корелянъ, сосѣдей Еми²⁶⁾.

Въ 1228 г. Емь, желая отмстить новгородцамъ, вошла въ Ладожское озеро. Ярославъ выступилъ противъ нея съ новгородцами. Ладожане, съ своимъ посадникомъ во главѣ, не дождавшись новгородцевъ, побили Емь, которая, не получивъ просимаго єю мира, избила весь полонъ, бросила лодки и бѣжала въ лѣса. Между тѣмъ новгородцы стояли въ Невѣ. Здѣсь по какому-то случаю они собрали вѣче, на которомъ хотѣли убить какого-то Судимира, но князь скрылъ его въ своемъ насадѣ. Послѣ этого новгородцы, не дожидаясь ладожанъ, возвратились въ Новгородъ. Къ тому же времени относится распра новгородцевъ съ княземъ. Ярославъ, желая прибрать къ своимъ рукамъ не хотѣвшихъ поддаваться ему псковичей, требовалъ, чтобы новгородцы шли съ нимъ на Псковъ, но тѣ отказались. Тогда Ярославъ вызвалъ изъ Переяславля свои полки, съ которыми хотѣлъ будто бы идти на Ригу. Псковичи воспротивились этому, такъ какъ находились въ мирѣ съ нѣмцами; они говорили, что Ярославъ ходилъ къ Колывани, взялъ тамъ много серебра, а правды не учинилъ; то же было и съ Кесью (Венденъ); этимъ онъ только раздражилъ пѣмцевъ, которые обратились на нихъ, псковичей, и побили ихъ; въ заключеніе псковичи сказали Ярославу и новгородцамъ, что если они пойдутъ на Ригу, то псковичи

25) Ibid. I, 190, 219; III, 39 (подъ 1223 г.), 41, 42; IV, 27—28; VII, 133 (Литва побита въ недѣлю сыропустную).

26) Ibid. I, 190, 219; III, 42; IV, 29; VII, 133. Вѣроятно, Ярославъ за одинъ походъ повоевалъ Емь и крестилъ Корелу, и по тому-то, можетъ быть, большинство указанныхъ лѣтописей походъ на Емь, начавшійся по Лавр. лѣтописи въ 1226 г., относить къ 1227 г.

пойдутъ противъ нихъ. Новгородцы заявили, что безъ псковичей и они не пойдутъ. Вследствіе этой неудачи Ярославъ съ женой своей уѣхалъ въ Переяславль, оставивъ въ Новгородѣ сыновей своихъ, Федора и Александра²⁷⁾.

Въ то время, какъ все это происходило въ Новгородско-Псковской области, вел. кн. Юрий Всеволодовичъ собиралъ свои и ростовскіе полки въ походъ на Морду; въ сентябрѣ 1228 г. войска его были уже за Нижнимъ-Новгородомъ, — но проливные дожди заставили его воротить эти войска. Въ томъ же году 14 января Юрий самъ выступилъ на Морду; съ нимъ были его племянники, Василько и Всеволодъ Константиновичи (ростовскій и ярославскій), а также братъ его Ярославъ. Этотъ походъ былъ успѣшнѣе предыдущаго²⁸⁾.

Вскорѣ послѣ этого похода Ярославъ захватилъ новгородскую волость Волокъ. Въ 1229 г. въ Новгородѣ пришелъ изъ Чернигова кн. Михаилъ Всеволодовичъ, но вскорѣ уѣхалъ домой, оставивъ въ Новгородѣ сына своего Ростислава, еще младенца. Новгородцы отправили къ Ярославу пословъ съ требованіемъ, чтобы онъ возвратилъ имъ Волокъ; но Ярославъ не только не исполнилъ этого требованія, но и пословъ не отпустилъ и держалъ ихъ все лѣто. Ссорясь съ новгородцами, Ярославъ разссорился и съ старшимъ братомъ своимъ, вел. кн. Юріемъ, противъ котораго успѣлъ возстановить и племянниковъ, Константиновичей. Причина ссоры передается лѣтописями не ясно: «Ярославъ Всеволодовичъ, слушая нѣкоторыхъ листи... мысляшеть противитися Юрью брату своему». Но явившись въ Суздаль «на снемъ» (сеймъ), князья примирились: братъ великаго князя и племянники ихъ «поклонишаася Юрью вси...» Сентября 7-го они пѣловали крестъ другъ къ другу, а 8-го, въ день Рождества Богородицы, праздновали и веселились у епископа Митрофана²⁹⁾.

Между тѣмъ Новгородъ страдалъ отъ голода и мора. Народъ ждалъ кн. Михаила Всеволодовича, но онъ не являлся, потому что хотѣлъ прежде примириться съ Ярославомъ, который, по новгородскимъ дѣламъ, относился къ нему враждебно и грозилъ войной. При посредствѣ кievскаго князя Владимира Рюриковича враждующіе примирились въ 1230 г. Но Михаилъ черниговскій явно нарушилъ миръ. Вскорѣ по примиреніи онъ былъ на постригахъ сына въ Новгородѣ, гдѣ, по его отъездѣ, началось возмущеніе

27) Ibid. I, 219; III, 43; IV, 178, VII, 134.

28) Ibid. I, 191; VII, 134; Ник. II, 358. По Воскресенской лѣтописи 4 января князья уже побивали Морду. — Подробности этого эпизода см. въ соотвѣтственномъ мѣстѣ биографіи Всеволода К-ча, кн. ростовскаго, во II-ой ч.

29) Ibid. I, 192—193, 220; III, 42—45; IV, 29; VII, 134—136.

вслѣдствіе вражды посадника Водовика съ сыномъ извѣстнаго посадника Твердислава; пожары и убийства были весьма часты; многие бѣжали отъ свирѣпаго Водовика къ Ярославу Всеволодовичу. Наконецъ, самъ Водовикъ вмѣстѣ съ сыномъ Михаила Ростиславомъ выѣхалъ изъ Новгорода въ Торжокъ, вѣроятно, по тому, что прежде другихъ узналъ о примиреніи Михаила съ Ярославомъ. Скоро и новгородцы узнали обѣ этомъ примиреніи и вознегодовали на Михаила Всеволодовича: они называли его измѣнникомъ, а «Ростиславу путь показаша съ Торжьку къ отцемъ въ Цѣрниговъ», и отправили пословъ въ Переяславль просить къ себѣ Ярослава. Водовикъ уѣхалъ съ княжичемъ въ Черниговъ, куда стали перебираться многіе новгородцы, враги Ярослава, которыхъ Михаилъ, вопреки условіямъ примиренія съ Ярославомъ, принималъ свободно. Это обстоятельство возмутило не только Ярослава, но и вел. кн. Юрія. Братья, вмѣстѣ съ племянниками Константиновичами, выступили въ походъ на Михаила. Юрій, впрочемъ, съ дороги воротился, а Ярославъ и Константиновичи выжгли Серенскъ, осаждали Масальскъ и много зла причинили тамошнимъ жителямъ. Между тѣмъ изъ Чернигова новгородские враги Ярослава начали перебираться на родину; съ ними пошелъ и трубчевскій князь Святославъ, который, впрочемъ, съ дороги воротился домой, узнавъ, что въ Новгородѣ дѣла идутъ совершенно не въ пользу новгородскихъ выходцевъ и не такъ, какъ о томъ они говорили. Въ Псковѣ новгородцы схватили Вячеслава, Ярославова сторонника и, кажется, бывшаго новгородского посадника, били его и заковали. Между тѣмъ въ самомъ Новгородѣ продолжался мятежъ, потому что еще не было князя. Но вотъ явился Ярославъ, перехвативъ находившихся въ Новгородѣ псковичей и отправивъ ихъ на Городище, а въ Псковѣ послалъ требованіе о выдачѣ его мужа. Псковичи, съ своей стороны, требовали выдачи ихъ товаровъ и пр., и только тогда хотѣли освободить Вячеслава. Ярославъ приѣхѣлъ къ обычной мѣрѣ: не пускалъ во Псковъ гостей, вслѣдствіе чего наступила во всемъ дороговизна, и по этому, вѣроятно, псковичи освободили Вячеслава. И князь отчасти выполнилъ требованія псковичей, но мира съ ними не взялъ. Псковичи кланялись, какъ передаютъ лѣтописи, князю, просили у него сына Федора; но Ярославъ далъ имъ шурина своего Юрія (Мстиславича), который и сѣлъ въ Псковѣ³⁰⁾.

Въ 1233 г. нѣмцы начали беспокоить Новгородско-Псковскія волости. Въ 1234 г. Ярославъ выступилъ въ походъ; не доходя до Юрьева (Деригты), цѣли похода, онъ остановился. Нѣмцы изъ Юрьева и Медвѣжьей Головы (Оденпе) выступили противъ русскихъ, но потерпѣли пораженіе и прими-

30) Ibid. 191, 194, 220; III, 47—48; VII, 137; М. И. Погодина: «Изсл., замѣч.» и пр. VI, 328; Карамз. III, 158. Серенскъ — нынѣ село Калужской губ.

рились съ Ярославомъ. Въ томъ же году литовцы напали на Русу, но отбиты были и стали отступать. Ярославъ настигъ ихъ на Дубровнѣ въ Торопецкой волости, отнялъ у нихъ 300 кочей и товаръ. Литовцы, бросая оружіе и щиты, бѣжали въ лѣсъ³¹⁾.

Въ южной Руси около того времени шла борьба между князьями позьза Кieва и Галича. Въ 1234 г. Владmіръ Рюриковичъ кievskій велъ войну съ Михаиломъ черниговскимъ, но при Торческѣ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ. Киевскій столъ занялъ родственникъ и союзникъ Михаила, Изяславъ Владmіровичъ, кн. съверскій. Но въ 1236 г., освободившись изъ плѣна за большой выкупъ, Владmіръ выгналъ Изяслава изъ Кieва, но не могъ удержать кievskаго стола за собой: по настоянию Даниила галицкаго и вел. кн. владmірскаго онъ долженъ былъ уступить его Ярославу Всеволодовичу. Ярославъ, оставилъ въ Новгородѣ сына своего Александра, отправился въ Кieвъ съ лучшими новгородскими мужами, которыхъ, продержавъ тамъ недѣлю и одаривъ, отпустилъ обратно въ Новгородъ³²⁾.

Ярославу не долго пришлось сидѣть въ Кieвѣ. 4 марта 1238 г., на берегу рѣки Сити, произошла известная битва вел. кн. владmірскаго, Юрия Всеволодовича, съ татарами, въ которой онъ палъ³³⁾. На свободный великокняжеский столъ, по старшинству, долженъ былъ сѣсть братъ Юрия, Ярославъ, который и поспѣшилъ теперь изъ Кieва (пл. изъ Новгорода) во Владmіръ, представлявшій изъ себя груды развалинъ и человѣческихъ труповъ—слѣды татарскаго меча и огня. Первою заботой князя было очищеніе столынаго города отъ труповъ, которыми наполнены были не только улицы, дворы и жилища, но и самые храмы; нужно было собрать и ободрить разбѣжавшихся отъ татарскаго нашествія жителей. Забочась о приведеніи въ порядокъ столицы, Ярославъ—въ то же время—позаботился и о своихъ братьяхъ: Святославу онъ далъ Судаль, а младшему, Ивану—Стародубъ³⁴⁾; наконецъ, въ слѣдующемъ 1239 г. распорядился перенесеніемъ изъ Ростова во Владmіръ тѣла Юриева, которое встрѣчено было духовенствомъ и народомъ и—послѣ обычныхъ церковныхъ пѣснопѣній—положено въ храмѣ (Успенскомъ) Богоматери, гдѣ лежалъ и прахъ отца его, Всеволода. — Въ томъ же году литовцы, вѣроятно, пользуясь сумя-

31) Ibid. I, 220—221; III, 49—50; IV, 29—30, 178; VII, 138.

32) Ibid. I, 221; III, 50; IV, 30; VII, 138. Ср. прим. 35.

33) Юрий, между прочимъ, поджигалъ здѣсь братьевъ, Ярослава и Святослава. Послѣдній, по Твер. лѣт. 368, 370, участвовалъ въ этой битвѣ.

34) П. С. Р. Л. I, 199, 225; IV, 33—34; VII, 143—144; XV, 370 и сл.; Ник. III, 4. Стародубъ, по книгѣ Большаго чертежа, на Клязьмѣ, ниже Владmіра въ 60 в. и соотвѣтствуетъ селенію Клязьемскій городокъ, въ 14 верст. отъ г. Коврова. Солов. III, пр. 285.—Никон., вопреки другимъ лѣтописямъ, говоритъ, что Ярославъ пришелъ на владmірскій столъ изъ Новгорода Вел. Впрочемъ ср. слѣдующее примѣчаніе.

тицей, происходившей въ съверо-восточной Руси, начинаютъ тѣснить Смоленскъ. Ярославъ Всеволодовичъ предпринялъ противъ нихъ походъ: побѣдилъ ихъ, плѣнилъ ихъ князя и посадилъ въ Смоленскъ Всеволода Мстиславича, сына Мстислава Романовича, бывшаго вел. кн. кіевскаго^{35).}

35) Ibid. I, 199—200, 225; VII, 144; XV, 373; Ник. III, 5. — Отецъ посаженнаго въ Смоленскѣ Всеволода имѣлъ другое имя — Борисъ (см. «Указ. къ 8 томамъ П. С. Р. Л. подъ «Всеволодомъ Мстиславъ» и Русско-Лив. акты, 450). Между тѣмъ Родословная, помѣщенная во «Временникѣ» (кн. 15, стр. 35 и 37), въ одномъ перечнѣ смоленскихъ князей опускаеть его, въ другомъ — упоминаетъ его безъ отчества, помѣщая послѣ Ростислава Мстиславича, который въ крещеніи назывался *Борисомъ*, а Всеволодъ — *Андреемъ*. — Въ «Исторіи города Смоленска», соч. П. Никитина (М. 1848), нѣтъ даже генеалогіи смоленскихъ князей, не говоря уже о томъ, что, кромѣ Карамзина, авторъ часто пользуется такими пособіями, какъ Энц. лекс., Исторія Глинки и т. п. Въ 1239 г. марта 3 — какъ догадываются составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. — умеръ Владиміръ Рюриковичъ смоленскій, хотя это извѣстіе и безъ догадокъ находится въ одной лѣтописи подъ 1230 годомъ (IV, 178); при томъ здѣсь сказано, что 3 марта взять Русскій Переяславль, — а потомъ уже говорится о смерти Владиміра: «Того же лѣта Володимеръ умре Кіевскій Рюриковичъ». Годъ, дѣйствительно, по сравненію съ другими списками, долженъ быть 1239. Вообще надобно замѣтить, что лѣтописныя извѣстія 1235—38 годовъ — темны, противорѣчивы и сбивчивы: такъ, Ипат. лѣтопись (II, 175) подъ 1235 г. говорить, что Ярославъ Всеволодовичъ взялъ Кіевъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ; а по Густинской лѣт. (ibid. 338), въ 1236 г. Ярославъ Всев. съ большою ратью пришелъ къ Кіеву, выгналъ оттуда Изяслава Мстиславича и самъ сѣлъ на Кіевскомъ столѣ, — но въ томъ же году выгнанъ оттуда Владиміромъ Рюриковичемъ. Если это такъ, то можно предположить, что Ярославъ могъ удалиться въ Новгородъ, и въ такомъ случаѣ извѣстіе Никон. лѣтописи (см. примѣч. 34) о томъ, что въ 1238 г. Ярославъ пришелъ во Владиміръ изъ Новгорода, надобно считать правдоподобнымъ, тѣмъ болѣе, что одна только Воскр. лѣт. говорить, что Ярославъ пришелъ во Владиміръ именно изъ Кіева (VII, 144). а послѣ него въ Кіевѣ сѣлъ Михаилъ Черниговскій. Въ Ипат. лѣт. (II, 175) подъ 1235 г. говорится, что Ярославъ взялъ подъ Владиміромъ Рюриковичемъ, Кіевъ, но «не могъ его держати иде пакы Сужданю». Татищевъ (III, 464) подъ 1235 г. говоритъ, что Ярославъ, «пришедъ къ Кіеву, самъ сѣлъ на Кіевѣ....; но недолго державъ, учинилъ со Изяславомъ договоръ, что ему за Владимира окупъ заплатить, и Смоленскъ ему отдать, самъ возвратился». Далѣе, подъ 1236 г. у Татищева говорится, что Изяславъ послалъ къ в. кн. Юрю пословъ съ просьбою о любви и дружбѣ. — Упоминаемый здѣсь Изяславъ — лицо неопределенное: С. М. Соловьевъ (III, 162, пр. 264) и составители Указателя къ 8 т. П. С. Р. Л. примыкаютъ къ мнѣнію Карамзина и Арцыбашева, считающихъ этого Изяслава сыномъ Владимира Игоревича съверского; Троицкая и Густинская лѣт. называютъ его просто Мстиславичемъ, а Рост., Воскр. и Никон. и въ-слѣдъ за ними Татищевъ считаютъ его сыномъ Мстислава Ростиславича смоленскаго. Надобно замѣтить, что Михаилъ и Изяславъ, требуя у Даниила выдачи плѣненныхъ его боярами у Каменца князей Болоховскихъ, такъ выражались: «отдай нашу братью....» С. М. Соловьевъ (III, пр. 268) указываетъ на это обстоятельство, какъ на «единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ» (т. е. сыномъ Владимира Игоревича). Но отсюда косвенно можетъ вытекать и то заключеніе, что князья Болоховские были Ольговичи. Между тѣмъ вопросъ о происхожденіи Болоховскихъ князей далеко еще нельзѧ называть решеннымъ: г. Дацкевичъ (въ своемъ рефератѣ: «Болоховская земля и ея значеніе въ Русской исторіи. Эпизодъ изъ исторіи южной Руси въ XIII и XIV ст.» Кіевъ 1876), совершенно справедливо, по нашему мнѣнію, доказывая, что здѣсь слово *братья* нельзѧ принимать въ буквальномъ смыслѣ, дѣлаетъ остроумную и, по приводимымъ имъ основаніямъ, кажется, вѣрную догадку, что князья Болоховские стоять особнякомъ, что это — князья общины или, при мѣрно, такие же, какіе были въ Древлянской землѣ при Игорѣ и Ольгѣ (стр. 29 и слѣд.).

Мирная дѣятельность князя потревожена была набѣгомъ на Сузdalскую землю татаръ, которые, повоевавъ Мордовскую землю, пронесли огонь и мечъ по рр. Окѣ и Клязымѣ, сожгли Муромъ и городъ св. Богородицы-Гороховецъ, и съ большимъ полономъ ушли домой. Это было зимой въ томъ же 1239 году³⁶⁾.

Въ 1240 г. сынъ Ярослава Александръ, не извѣстно изъ-за чего, поссорился съ новгородцами и ушелъ изъ Новгорода въ Переяславль. Но, тѣснимые нѣмцами, новгородцы просили себѣ у Ярослава князя, и онъ послалъ къ немъ сына Андрея, который, впрочемъ, не угодилъ новгородцамъ; другое новгородское посольство просило Александра, который и отправился опять въ Новгородъ³⁷⁾.

Батый, между тѣмъ, опустошалъ южно-русскія земли и при-Карпатье, откуда повернулъ съ своими полчищами назадъ и избралъ своимъ мѣсто-пребываніемъ низовья Волги, основавъ здѣсь г. Сарай (Астраханской губ.). Сюда-то должны теперь являться русскіе князья на поклонъ къ грозному завоевателю. Батый потребовалъ къ себѣ Ярослава, и послѣдній, въ 1243 г., отправился въ Сарай, пославъ сына своего Константина въ Татарію къ великому хану. Батый принялъ и отпустилъ Ярослава съ честію и далъ ему старѣшинство во всей Руси³⁸⁾. Года черезъ два (1245) возвратился и Константинъ также съ честію³⁹⁾.

36) Есть въ лѣтописяхъ темное извѣстіе подъ 1239 г., приведшее въ недоумѣніе Карамзина: подъ помянутымъ годомъ (П. С. Р. Л. I, 200; II, 177; VII, 144; Ник. III, 5) говорится, что Ярославъ, названный по отчеству только въ Никон. лѣт., ходилъ къ гор. Каменцу, взялъ его, плѣнилъ жену Михаила (разумѣется, черниговскаго) и множество людей и возвратился во-свои. Карамзинъ (IV, прим. 20) удивляется, «какъ могъ вел. князь въ такое бурное время ити изъ Владимира Сузdalского въ нынѣшнюю Подольскую губ.! Мы упоминали въ 1229 году, продолжаетъ онъ, о Ярославѣ Ингваревичѣ, получившемъ отъ Даниила въ удѣлъ Межибожье и Перемиль; но Сузdalский или Пушкинский лѣтописецъ безъ сомнѣнія говоритъ здѣсь о вел. кн. Ярославѣ». Ипат. лѣт. (II, 177) такъ изображаетъ это событие: «Михаилъ бѣжа по сыну своему передъ татары во Угры».... (Ростиславъ Мстиславичъ занимаетъ Киевъ, Даниилъ выгоняетъ его и оставляетъ тамъ намѣстникомъ Димитрия). «Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ бѣхавъ я княгиню его и бояръ его поима, и городъ Каменецъ взяя». По правдоподобному замѣчанію С. М. Соловьевъ (III, пр. 277), изъ этого разсказа видно, что Ярославъ быть ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаиловыхъ,— такъ что, очевидно, здѣсь должно разумѣть именно Ярослава Ингваревича. Что же касается того, что Ник. лѣт. называетъ этого Ярослава Всеволодовичемъ, то, естественно, составитель этого свѣда, встрѣтивъ въ болѣе старыхъ спискахъ лѣтописей Ярослава безъ отчества, хотѣлъ, но неудачно, сдѣлать это лице болѣе опредѣленнымъ и поставилъ при немъ отчество *Всеволодовичъ*, такъ какъ изъ Ярославовъ того времени *Всеволодовичъ* былъ, такъ сказать, виднѣе.

37) П. С. Р. Л. I, 201; III, 53; V, 179—180 (подъ 1240 годомъ); VII, 149; XV, 381; Ник. III, 13—14.

38) Ibid. I, 201, 225; III, 54; V, 181; XV, 385; Ник. III, 18.

39) Ibid. I, 201; Ник. III, 18.

Въ 1245 г. Ярославъ вмѣстѣ съ братьями и племянниками вторично отправился въ орду. Святославъ и Иванъ Всеволодовичи съ племянниками воротились въ свои отчины, а Ярослава Батый послалъ на берега Амура къ великому хану. Здѣсь онъ принялъ, по замѣчанію лѣтописца, «много томленія», такъ какъ противъ него велась, — судя по нѣкоторымъ сказаніямъ, хотя и не совсѣмъ яснымъ,— какая-то интрига, въ которой дѣйствующими лицами являются бояринъ Федоръ Яруновичъ и сама ханша, которая, подъ видомъ угощенія, поднесла Ярославу яду. Великій князь поѣхалъ отъ хана уже будучи больнымъ; чрезъ семь дней, а именно 30 сентября 1246 г., въ дорогѣ онъ скончался, причемъ тѣло его сильно посинѣло, что еще болѣе убѣждало современниковъ въ томъ, что онъ отравленъ. Сопровождавшіе его бояре привезли тѣло его во Владиміръ, гдѣ, въ Успенскомъ соборѣ, онъ и былъ похороненъ⁴⁰⁾.

Ярославъ Всеволодовичъ, въ св. крещеніи Федоръ, былъ женатъ дважды: 1) на дочери⁴¹⁾ Юрія Кончаковича, кн. половецкаго, неизвѣстной по имени; 2) на Федосы (въ иночествѣ Евфросинії), дочери Мстислава Удальцова⁴²⁾. Отъ первого брака мы не видимъ у него дѣтей; отъ втораго же у

40) Ibid. I, 201, 226; V, 186; VII, 152, 156; XV, 386, 393, 400; Ник. III, 19, 26. Твер. о смерти Ярослава говорить подъ 1247, а Троицк.— подъ 1248. По поводу поднесенного Ярославу яда Карамзинъ (IV, 22) замѣчаетъ, что монголы, сильные мечемъ, не имѣли нужды дѣйствовать ядомъ, орудіемъ злодѣевъ слабыхъ. Плано-Карпини (кн. 1, гл. 14) замѣчаетъ, что Ярославъ отравленъ татарами съ тою цѣлью, чтобы имъ свободно было владѣть Русью. Но, по справедливому замѣчанію С. М. Соловьевъ (III, 185), татарамъ въ такомъ случаѣ нужно было бы истребить всѣхъ князей. Соловьевъ предполагаетъ, что интрига противъ Ярослава велась, вѣроятно, Константиновичами Ростовскими (изъ собственно Константиновицей, замѣтимъ, въ живыхъ оставался только Владиміръ углицкій, который принималъ участіе въ послѣдней поѣздкѣ Ярослава въ орду). Когда не удалось оклеветать Ярослава передъ ханомъ, приѣхали къ ханшѣ, о чёмъ ханъ и не зналъ. Иначе, въ самомъ дѣлѣ, трудно согласить всеобщее свидѣтельство и своихъ и иностранныхъ источниковъ о «нужной» (насильственной) смерти вел. князя («Исторія отн. между русск. кн. Рюрика дома, 262—263»). Лѣтописи вообще скупы на похвалы этому князю; но одна изъ нихъ (VII, 156) говоритъ, что онъ «положи душу свою за други своя и за землю Русскую», а рукописные святцы причисляютъ его къ лику святыхъ. См. Карамз. IV, прим. 38.

41) Ibid. I, 180; VII, 112.

42) Ibid. III, 54; V, 182; VII, 152 (тамъ же, на стр. 146, въ житіи Александра Невскаго названа святою); XV, 385; Ник. III, 18. Почти всѣ лѣтописи одинаково о ней говорятъ: «преставися княгини Ярославляя, постригшия у святого Георгія въ монастыри; ту же и положена бысть, стороны сына своего Федора, мѣсяца маія въ 5 (по инымъ 4), на память святыхъ Ирины; нарѣчено бысть имя ей Евросинья». Въ новгородскомъ Юрьевскомъ монастырѣ, въ надгробной надписи значится: «Лѣта 6749 (вмѣсто 6752) маія въ 4, въ Великомъ Новѣградѣ почи... Федосія... супружница вел. кн. Ярослава Всеволодовича...». Между тѣмъ Карамзину было доставлено владимірскимъ губернаторомъ описание владимірскихъ княжескихъ гробовъ, по которому Федосы съ сыномъ Федоромъ покоятся во Владимірской Георгіевской церкви (IV, прим. 39). Дѣйствительно, въ Георгіевской церкви во Владимірѣ, построенной Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г. (съ 1153 г. при этой церкви былъ женскій монастырь, неизвѣстно когда упраздненный), есть двѣ гробницы: одна на правой сторонѣ,

него были сыновья: Федоръ, Александръ, Андрей, Михаилъ Храбрый, Даниилъ, Ярославъ-Асанасій, Василій, Константинъ, и двѣ дочери: Марія и другая, неизвѣстная по имени⁴³⁾.

другая — на лѣвой. На первой гробницѣ надпись: «На семъ мѣстѣ положены мощи Благовѣрнаго Великаго князя Феодора Ярославича, сына Великія княгини Феодосіи, и брата св. Благовѣрнаго Великаго князя Александра Невскаго». На второй гробницѣ: «Сія Боголюбивая Великая княгиня Феодосія, дщерь Галическаго князя Мстислава Мстиславича, честнѣшшая супружница Благовѣрнаго Великаго князя Ярослава Всеиволодовича Владимірскаго, съ нимъ же благоговѣйно и благоугодно поживе и девять сыновъ породи: Феодора, Александра, Андрея, Константина, Афанасія, Даніила, Михаила, Ярослава, Василія да дщери двѣ: Евдокію и Іуліанію, на конецъ житія своего монашескій образъ на ся воспрія, въ немъ же и преименовася Евфросинія; преставися въ Великомъ Новѣградѣ; честное же тѣло ея положено въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ пресловущей обители святаго Великомученика Георгія обѣ едину сторону сына ея, Благовѣрнаго Великаго князя Феодора на семъ мѣстѣ; супругъ же ея Благовѣрный Великій князь Ярославъ Всеиволодовичъ Владимірскій нужно преставися въ иноплеменныхъ земляхъ въ Хановой Ордѣ въ 6754 (1246) году мѣсяца сентября въ 30 день; честное же тѣло его положено бысть въ преименитомъ градѣ Владимірѣ въ соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы Владимірскія Златоверхія на южной сторонѣ въ придѣлѣ св. Великомученика Георгія. Обитель сія создана въ лѣто 6661 (1153) Великимъ княземъ Долгоруковымя». Лѣтописи не говорять, гдѣ она умерла, — исключая Ник., по которой она умерла въ Новгородѣ, — а говорятъ только, что постриглась въ Георгіевскомъ монастырѣ, и всего вѣроятнѣе она погребена во Владимірскомъ Георгіевскомъ монастырѣ, хотя умерла и въ Новгородѣ. Что же касается того, что какъ въ Новгородскомъ, такъ и во Владимірскомъ Георгіевскихъ храмахъ есть гробницы однихъ и тѣхъ же лицъ, то это, кажется, естественное желаніе какъ новгородцевъ, такъ и владимірцевъ — считать принадлежащими тому или другому городу прахъ такихъ лицъ, какъ мать и братъ Александра Невскаго; притомъ же позднѣшіе составители вышеприведенныхъ надписей могли невѣрно понять и объяснить лѣтописныя извѣстія: они знаютъ, что Феодосія умерла въ Новгородѣ и похоронена у св. Георгія, а Георгіевскихъ церквей въ Новгородѣ не одна и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ болѣе извѣстны, чѣмъ владимірская, почему и рѣшили, что Феодосія погребена въ Новгородѣ. (Надписи владимірскія приведены въ «Церковно-истор. описаніи владим. достопамятностей». Соч. Магистра Еромонаха Йоасафа. Влад. 1857). — Нѣкоторыя родословныя (напр. Головина) называютъ вторую жену Ярослава Ростиславой — Феодосіей. Мальгинъ («Зерцало Росс. Госуд.» изд. 1794 года, стр. 265, прим.) считаетъ Феодосію кн. новгородской, дочерью Мстислава Мстиславича Храбраго и также второй женой Ярослава. Но первой женой онъ считаетъ, вопреки лѣтописямъ (I, 180: VII, 112), не дочь Юрія Ковчаковича, а неизвѣстную по имени дочь Бориса Всеивловича полоцкаго; дочь же Юрія Кончаковича онъ считаетъ женой брата Ярослава, Святослава, голословно утверждая, что лѣтописцы по ошибкѣ измѣнили въ имени Святослава начальные 4 буквы и изъ него сдѣлали Ярослава. Если Феодосія была второй женой, а дочь Бориса Всеивловича первой, то выйдетъ слѣдующая неизвѣстность: положимъ, что первая жена Ярослава, т. е., по Мальгину, дочь Бориса полоцкаго, родилась въ годъ смерти отца, т. е. въ 1128 году; первый сынъ отъ Феодосіи, Федоръ, родился въ 1219 г., — значитъ, Ярославова первая жена умерла ранѣе этого года. Предположимъ, что Ярославъ вступить въ первый бракъ лѣть 17-ти, т. е. въ 1208 г., и въ такомъ случаѣ дочери Бориса полоцкаго было бы 80 лѣть въ этомъ году! Кромѣ того Мальгинъ даетъ Ярославу еще третью жену, неизвѣстную по имени дочь рязанского князя, Игоря Рюриковича. Но мы не знаемъ такого рязанского князя.

43) Нѣкоторыя лѣтописи, какъ напр. Ник. III, 3, даютъ Ярославу девятерыхъ сыновей, другія — осьмерыхъ, третьи — семерыхъ. Послѣднія не считаются рано умершаго Феодора, а первая грѣшать тѣмъ, что изъ Ярослава — Асанасія сдѣлали двоихъ сыновей.

Святославъ Всеволодовичъ.

р. 1196 † 1253.

По смерти Ярослава Всеволодовича, по праву старшинства, велико-княжеский столъ занялъ слѣдующій за Ярославомъ братъ, Святославъ Всеволодовичъ.

Святославъ, въ св. крещеніи Гаврілъ, родился 27 марта **1196 г.**⁴⁴⁾... Мы уже говорили, что въ древней Руси княжичи часто съ самыхъ раннихъ лѣтъ выступали на путь практической жизни. Такъ было и съ Святославомъ. Вел. кн. Всеволодъ Юрьевичъ, господствуя не только въ сѣверо-восточной Руси, но отчасти и въ южной, хотѣлъ господствовать и на сѣверо-востокѣ, въ Новгородѣ, а потому придумывалъ средства прибрать послѣдній къ своимъ рукамъ. Ему, наконецъ, удалось такъ поставить дѣло, что новгородцы сами обратились къ нему за княземъ. Въ **1199 г.** съ великой честью онъ принялъ у себя новгородскихъ пословъ, а въ **1200 г.** послалъ въ Новгородъ сына Святослава, «еще млада суща», конечно, окруживъ его опытными боярами. Святославъ отправился въ Новгородъ 12 декабря, а прибылъ туда 1-го января; за нѣсколько верстъ отъ Владимира его провожали братья: Константинъ, Юрий, Ярославъ и Владиміръ^{45).} Вскорѣ возникли какія-то неудовольствія между княземъ и новгородцами, но дѣло окончилось только тѣмъ, что Всеволодъ послалъ на мѣсто Святослава старшаго сына, Константина, который сидѣлъ тамъ до **1207 г.** Въ этомъ послѣднемъ году Всеволодъ вызвалъ его съ новгородцами въ походъ

Нѣкоторыя лѣтописи, какъ Твер. 373, опускаетъ Ярослава, а считаетъ Аѳанасія, очевидно, принимая только имя данное при крещеніи (ср. Карамз. IV, прим. 78). С. М. Соловьевъ также считаетъ Аѳанасія и Ярослава отдельными лицами («Ист. отнош. между русск. кн...», 264, пр. 1).—До сихъ поръ не всѣ согласны въ томъ, кто старше: Александръ или Андрей. Намъ кажется несомнѣннымъ, что первый былъ старше: мы видимъ его въ Переяславль, когда отецъ его занялъ великокняжеский столъ, а Переяславль обыкновенно давался старшему между наличными великокняжескими сыновьями. — Что касается дочерей Ярослава, то мы знаемъ двухъ, изъ которыхъ лѣтописи одну называютъ Маріей; одна изъ приведенныхъ въ 42 прим. надписей на гробницахъ Федосы даётъ двухъ дочерей Ярославу: Евдокію и Іуліанію;ѣроятно, Головинъ въ свою родословную кромѣ лѣтописной Маріи внесъ Іуліанію изъ помянутой надписи; Мальгинъ («Зерцало...», 261) отмѣчаетъ также двухъ дочерей: Гремиславу — Евдокію, бывшую за польскимъ королемъ Лѣшкомъ Бѣлымъ, что принимаютъ и польские историки (Лелевель), и Іуліанію, скончавшуюся дѣвицею — инокинею подъ именемъ Маріи.

44) П. С. Р. Л. I, 173—174; VII, 102.

45) Ibid. I, 175; III, 25, 31; IV, 18—19; V, 171; VII, 107 (Всеволодъ отпускалъ Святослава въ Новгородъ, «сдумавъ съ дружиною своею»); XV, 289.